

I. Замечания, касающиеся описательной социологии и позитивной политики

По ходу изложения мы сформулировали ряд теоретических и практических выводов из этого обширного исследования большевизма в его первой и второй формах.

Мы вкратце и несколько беспорядочно приводим их здесь, противопоставляя проясненные принципы как большевистским, так и различным политическим теориям. Из этого, в свою очередь, будут сделаны и другие выводы.

1. Вопреки всему реалистическому и эмпирическому облику, который он придает себе, большевизм не является «экспериментом». Это некое событие, фаза русской Революции, или, точнее, наступившие после режима Керенского (первая фаза) ее вторая фаза — «коммунистическая» и третья — «новый этап». Эта революция была произвольной. Она родилась из войны, из нищеты и из крушения определенного строя. В качестве Социальной Революции она оказалась потому в наихудших из возможных условиях: она унаследовала разоренное общество. Еще хуже был способ, которым она его унаследовала. Революция явилась результатом разрушительного военного и крестьянского восстания. Но для того, чтобы социалистический строй утвердился практически и основательно, необходимо сначала, чтобы было что социализировать, а этого не было. Необходимо также, чтобы отмеченное унаследование было осуществлено в условиях максимального порядка, а этого не произошло.

Но главное, необходимо, чтобы этот строй был желаемым, чтобы это унаследование было сознательным и было со всей ясностью организовано широкими массами, либо всеми, либо очень значительным большинством просвещенных граждан. Некий строй, даже если он угоден народу, но навязан нации, может сначала быть внедрен, затем принят; он может, наконец, стать социалистическим; но он не является им в самой своей основе, потому что он не является им изначально, в своей отправной точке. На самом деле тирания рабочих и солдат не была, причем не была необходимо и по сути своей, более социальной и менее антисоциальной, чем тирания аристократов, чиновников и буржуа.

Признаем, стало быть, что социалистическое общество, родившееся из катастрофы, появилось на свет в плохих условиях, и даже социалистический строй, навязанный меньшинством, никогда не будет равноценен какому бы то ни было строю, который желаем. Социализм по определению должен быть творением «общей воли» граждан.

2. Всякая Социальная Революция должна иметь национальный характер. Об этом свидетельствует серьезный ущерб, причиненный Советами сначала отказом от российских внешних долгов, затем безвозмездной конфискацией собственности иностранных граждан. Блокада и последовавший за ней международный бойкот были следствиями этих двух серьезных ошибок. Насколько государство имеет право применять к своим подданным принимаемый им закон и применять его в равной мере к иностранцам, проживающим или предпочитающим находиться на его территории, настолько же, однако, требуется избегать малейшего намека на несправедливость и нарушение международных соглашений, воплощающих публичное и частное международное право. Необходимо было, следовательно, остановить экспроприации на границах и внутри страны по отношению к иностранцам, занимавшимся торговлей согласно правовым нормам, существовавшим в стране до Революции.

Полная экспроприация может быть понята только в случае всеобщей и одновременной социальной Революции. Последняя в самом деле могла бы аннулировать повсюду сразу, как для наций, так и для отдельных лиц, все международные частные или общественные дебиты и кредиты.

Можно подумать, что это наблюдение доказывает одновременно националистическую и интернационалистическую точки зрения. Может быть, и так, потому что здесь нет середины; безвозмездные социализации могут осуществляться только в пределах определенной нации и могут быть всеобщими только при условии, если они охватывают весь человеческий род или по крайней мере наиболее значительные из составляющих его наций.

3. Второй период Русской Революции, коммунистический и террористический, не является социалистическим в собственном смысле. В некоторых моментах большевизм остался ниже уровня социализма; в других он развивался рядом с ним или опередил его; в третьих он породил настоящий регресс.

В деревне он произвел лишь индивидуалистическую революцию того же типа, что и Французская революция: он предоставил крестьянам ни больше ни меньше, как самим поделить между собой земли. Или он пытался как-то управлять их аппетитами лишь с помощью недействующих и далеких от жизни законов о главенстве общенациональной собственности на землю, или прибавлял к этой индивидуалистической политике лишь государственный коммунизм, выражавшийся в жестоких реквизициях и поборах, часто даже с применением военной силы; последние не могли встретить понимания со стороны крестьянина, вызывая у него отчаяние. Эти две противоречивые установки в конце концов привели к падению урожаев, исчезновению резервов и породили голод.

В наибольшей степени Советы были социалистическими в своем промышленном законодательстве, когда они искренне попытались передать профессиональным группам в собственность национализированные отрасли промышленности и управление ими. Но большевики очень быстро миновали этот период. И тогда, взбешенные своей неудачей, они дали разложиться крупной промышленности и развиться мелкой, а также ремесленному производству: в этом отношении российская экономика вернулась к устаревшим формам

собственности и технологии в промышленности; с другой стороны, они попытались установить с помощью «трудовых армий», «национальных трестов» и т. п., уже не социалистический и синдикалистский, а коммунистический и этатистский строй; таким образом производителю обеспечивается потребление всей его продукции, но вместе с тем он оказывается связанным с профессиональной деятельностью, которую сам он не организует.

Отмеченные индивидуализм и этатизм явились одной из причин морального и материального поражения Советов. Они лишили себя необходимого морального инструмента: они подвергли насилию и террору профессиональную группу; они почти разрушили ее; они ослабили ту группу, которая прежде всего должна была быть и проводником революции, и действующей силой производства, и реальным обладателем собственности; таким образом, они не достигли главной цели: коллективной организации производства.

Наконец, самой серьезной ошибкой было установление не социализма, а коммунизма в области потребления[1160], например коммунизма в области жилья — предмета главным образом индивидуального потребления или же, например, в области распределения продовольствия. Допустим даже, что это рacionamento было вынужденным и было навязано такими обстоятельствами, как блокада и голод. Тем не менее мы констатируем, что в целом это экономический метод, неприемлемый для европейских обществ.

Из всего этого ряда фактов социализм несет ответственность только за неудавшуюся попытку управления заводами Советами рабочих.

Во всех остальных случаях ответственность за допущенные ошибки или за победу архаических форм экономики несут другие системы, содержащие отступления к индивидуализму или к еще более отсталым формам, заключенным в коммунизме.

4. Коммунизм в области потребления носит абсурдный характер и должен быть исключен из практики. Но еще более абсурдным было то, что для его введения понадобилось разрушить то, что составляет самую экономику, а именно рынок.

В крайнем случае можно понять регулирование производства вплоть до стадии появления продукта на рынке, включая складирование; можно даже понять стремление установить пределы потребления с целью воспрепятствовать злоупотреблениям и хищениям. Но невозможно представить себе общество без рынка. Под последним словом мы понимаем не разного рода городские рынки, биржи и другие подобные места, являющиеся лишь внешними приметами рынка, а просто экономический факт, благодаря которому публично, через чередование свободно «предлагаемых и спрашиваемых» цен, цена устанавливается сама собой; или же это юридический факт, благодаря которому каждый где угодно имеет право беспрепятственно и с полным правом купить то, что он хочет, а также не может быть принужден купить то, чего он не хочет. Эта система рынка, развившаяся постепенно в экономической истории человечества, в настоящее время в значительной мере регулирует производство и потребление. Правда, другие системы социальных фактов также способствуют осуществлению той же функции, можно представить себе еще и новые

системы, которые будут эффективно участвовать в ней, но свобода рынка есть абсолютно необходимое условие экономической жизни. Необходимо констатировать, что, как бы это ни огорчало социалистов-доктринеров, коммунистов или видных экономистов вроде Торстейна Веблена, Советы не смогли «избежать системы цен»[1161]. Таким образом, для уверенности в том, что какое-либо известное нам общество может быть оснащено настолько, чтобы от этой системы умчаться к каким-то другим, нет оснований. В настоящий момент и в обозримом и предвидимом будущем социализм-коммунизм должен искать свой путь не в ликвидации рынка, а в его организации.

5. Большинство социалистических теорий предсказывает в краткой и не очень отчетливой форме, что будущее общество сможет обойтись без денег, валюты.

Опыт коммунизма доказывает обратное. Даже в стране, где капитал и денежное обращение в целом до войны были слабы настолько, насколько это возможно, попытка обойтись без них не удалась; пришлось вернуться к золотым деньгам. Такие же яркие примеры Мексики, Австрии, затем Германии и Польши доказывают и еще докажут, что современные общества, будь они столь отсталые, как Мексика или Россия, или же столь высокоцивилизованные, как Германия, пока верят только в золото или в кредиты, представляющие золото, или же в товары в золоте. Золото и представляющие его различные документы пока для индивида являются единственными гарантиями свободы его покупок.

Ошибаются люди, которые так думают, или же они правы — это другой вопрос. Со своей стороны, мы не думаем, чтобы когда-либо могли долго существовать чисто рациональные общества. И наш язык, и наша техника, не говоря уже о других социальных фактах, таких как право или религии, не лишены и еще долго не будут лишены иррациональности и чувства, предвзятых мнений и косности. Почему же мы хотим, чтобы область экономики, являющаяся в то же время областью потребностей и вкусов, опиралась на чистый разум? Почему мы хотим, чтобы этот безумный мир ценностей, в котором шутовские номера клоуна равноценны патентам на самые замечательные изобретения, почему мы хотим, чтобы этот мир внезапно избавился от своего эталона ценностей, от своего, пусть даже плохого, инструмента расчета (*ratio*), от своего, пусть даже абсурдного, разума? Почему нужно, чтобы этот мир вдруг упорядочился сказочным образом с помощью ума самих масс или ума, навязанного им магией и силой коммунистической элиты?

Лучше поэтому отталкиваться от сегодняшней реальности и попытаться наслаивать на нее все более и более разумные формы: упорядочивать, ограничивать, упразднить привлечение торговцев золотом, передавать их коллективу, организовать последний таким образом, чтобы он мог быть основным раздатчиком кредитов. Впрочем, Советы, кажется, в данный момент движутся в этом направлении с помощью своих государственных банков и народных кредитов.

6. Для всякой современной экономики не только свобода рынка, но и свобода промышленности и торговли составляет необходимую атмосферу.

Этатизм и бюрократия, или авторитарное управление промышленностью, законодательная регламентация производства, с одной стороны, административное нормирование потребления, с другой, словом, всякая «военная» экономика, как сказал бы Герберт

Спенсер, противоречат «обменной сущности» человека сегодняшнего дня. Этот человек в общем не работает для самого себя, но тем не менее он работает и обменивает лишь для того, чтобы получить наилучший продукт или услугу наилучшим для него образом или чтобы продать свою собственность или свой труд за наиболее высокую цену.

Рынок, производство (напомним, что под этим термином мы по-прежнему понимаем обращение), потребление могут регламентироваться и уже регламентируются на Западе посредством частных договоров, трестов, профсоюзов рабочих и предпринимателей; или же посредством объединения потребителей (кооперативов); или через соглашения между промышленниками, финансистами и торговцами; или посредством законов и постановлений публичного характера; или через смешанные организации, соединяющие элементы капиталистического треста и государственного предприятия[1162].

Но существуют пределы, которые не может преодолеть даже социалистическое общество. Они возникают тогда, когда услуга и продукт, будучи созданы, вместо того чтобы после обсуждения сторонами оплачиваться, просто отнимаются, а также тогда, когда характер, количество и качество предметов потребления, предлагаемых обществу, определяются сверху, а не индивидами или их свободно сформированными ассоциациями (например, потребительскими кооперативами).

Социалистические общества поэтому смогут быть построены только после и наряду с утверждением некоторой доли индивидуализма и либерализма, особенно в экономической области. Это положение не вызовет удивления у прудонистов, а среди марксистов удивит лишь тех, кто из безрассудства распространил на сферу потребления понятие коллективного присвоения собственности. Ограничение этого понятия признается даже в кратких «шибболетах»[1163] соответствующих политических партий. Последние предполагают осуществить только «обобществление средств производства и обмена»; а с другой стороны, «коллективное присвоение собственности» не обязательно означает присвоение государством, или тиранию государства, или тиранию большего коллектива над меньшими коллективами, не ставшими собственниками. Наоборот, наряду со свободой индивидов и в дополнение к ней (свободой смены кооператива, профессии, форм потребления и т. д.) остается место и для другой свободы: промышленной и торговой деятельности, осуществляемой самими коллективами, кооперативами, профессиональными группами и т. п. Здесь также понятия «свобода» и «коллективный контроль» не противоречат друг другу.

7. Уважать эти промежуточные коллективы и развивать эти институты, присутствующие отныне в большинстве западных обществ, — вот в чем состоит главное и по крайней мере благоразумное и мудрое дело любой эпохи перехода к социалистическому строю. Возможно, их необходимо будет сохранить. В частности, гипотезы Дюркгейма относительно моральной и экономической ценности профессиональной группы благодаря большевистскому опыту получили явное подтверждение[1164]. Советы именно потому и потерпели неудачу, что подорвали, разрушили этот организационный элемент первостепенной важности.

Правда, то, что Дюркгейм задолго до других назвал «социализмом институтов», совершенно не обязательно должно быть необходимой и достаточной формой любого социализма. Даже провал большевизма никоим образом не доказывает, что необходимо ждать, пока эти группы смогут стать достаточно сильными и пока полностью завершится их развитие, чтобы попытаться реформировать общества. Но в любом случае в попытке обойтись без этих институтов заключается серьезная ошибка.

Главное, бесспорно, не следует больше представлять себе социализацию (обобществление) в одной-единственной форме: государственной или профессиональной. Ленин признал, что ошибался относительно кооперации[1165]. Надежда, возлагаемая им теперь на последнюю, доказывает ошибочность позиции, состоящей в борьбе от имени коммунизма (принудительной кооперации) со свободной кооперацией. Точно так же ошибочными были способ борьбы со всеми свободными институтами и разрушение всех управленческих учреждений.

8. Российская Новая Экономическая Политика движется в настоящий момент к смеси капитализма, государственного регулирования, административного регулирования, административного социализма, свободных коллективных образований и, наконец, индивидуализма.

Российский коммунизм перешел от нападения к обороне. Он лишь борется теперь с ремесленной и крестьянской мелкой буржуазией, которую он создал вопреки своей воле. Он хочет также твердо поддерживать права государства, защищать промышленную коллективную собственность и промышленных рабочих против иностранного капитализма, который он тщетно призывает или к которому он присоединяется, когда может. Занятие, в котором он в некоторой мере преуспевает.

Здесь в сущности социализм лишь наслаивается на современное общество, которое формируется... наконец, со всеми его обычными механизмами: деньгами, кредитами, государством; с индивидуальной собственностью индивидуальных производителей: ремесленников-кустарей и крестьян; с государственной, коллективной или полукolleктивной собственностью крупной промышленности; наконец, с настоящими общественными службами.

Таким образом, в своей последней форме коммунистический строй вернулся к тому, что, на наш взгляд, является нормой социализма. С одной стороны, он прибавляет одну форму собственности к другим формам; с другой стороны, по нашему мнению, законно он отбавляет (да позволят нам этот неологизм): он кладет в основу индивидуального, даже крестьянского, владения преобладающее право нации. Последнее в общем и целом представляет собой фиктивное право, в частности, в Англии, где всякое владение собственностью проистекает от королевской власти, а это должно стать правилом в других местах, причем не только фиктивным.

Не будем долго распространяться о том, что не было необходимости настолько революционизировать Россию, чтобы прийти к теперешнему результату, и что можно прекрасно, без особых трудностей, усовершенствовать в этом направлении наши западные

общества. Подведем итог: там, как и здесь, социализм должен состоять не в подавлении всех форм собственности с целью замены их одной-единственной, а в прибавлении к уже существующим правам некоторых других: прав профессиональной группы, локально-территориальных групп, нации и т. п. Естественно, права, противоречащие новым, вероятно, будут действовать на правовую систему, так как, очевидно, вечное право наследования или индивидуальное право на земельную прибавочную стоимость, например, не могут сосуществовать с социализмом, каким бы он ни был. Впрочем, эти прибавления и упразднения, в самом деле осуществленные Советами, несомненно составляют прочный результат их деятельности. Да поможет им небо сохранить его!

Итак, согласно замечательной формуле, предложенной Эмманюэлем Леви под влиянием Лассалья, «социализм — это капитализм без купленных прав»[1166].

Версия #2

Зверобой создал 26 апреля 2026 03:09:50

Зверобой обновил 26 апреля 2026 03:15:53